

Борис Александрович Гольдфедер (1916–2002)

Б.А. Гольдфедер родился 23 марта 1916 года в Харькове в семье медиков. В 1933 году, окончив Харьковский музыкальный техникум, поступил в Харьковскую консерваторию. Через год Гольдфедер перевелся в Московскую консерваторию в класс профессора К.Н. Игумнова.

С 1939 по 1944 год Гольдфедер служил в рядах Советской Армии, являясь главным концертмейстером Краснознаменного Ансамбля Советской Армии (1939–1941), слушателем военфака Московской консерватории (1941–1942), и.о. инспектора Отдела военных оркестров и зам. капельмейстера Образцового оркестра Народного Комиссариата Обороны СССР (1942–1943). В 1943–1944 гг. Гольдфедер – капельмейстер 2-го Московского пехотного училища. В 1944 г. он демобилизовался из рядов Вооруженных сил в связи с заболеванием глаз.

3 января 1944 года постановлением Совета Народных Комиссаров Б.А. Гольдфедеру объявляется благодарность за участие в работе по созданию Государственного Гимна СССР.

После демобилизации в 1944 г. Гольдфедер поступает в аспирантуру Московской консерватории к своему профессору К.Н. Игумнову. Заканчивает аспирантуру Гольдфедер в 1947 году с защитой кандидатской диссертации, явившись одним из последних аспирантов выдающегося профессора.

В 1945–1949 гг. ведет большую исполнительскую работу в качестве пианиста-солиста Московской филармонии, оркестра Министерства кинематографии СССР, выступает по Центральному радио и в концертах Союза композиторов СССР.

В 1946 году Гольдфедер принимает участие в съемках кинофильма «Глинка» в качестве «пианиста за сценой», исполняя фортепианные сочинения Глинки, аккомпанируя

С.С. Бендицкий и Б.А. Гольдфедер

С. Лемешеву и А. Борисову (это их голосами «пел» знаменитый Борис Чирков в роли Глинки). Почему-то Борис Александрович никогда не говорил об этой своей работе, может, считал ее не очень солидной...

Б.А. Гольдфедер начал работать на кафедре специального фортепиано Саратовской консерватории в 1949 году. Я же впервые познакомился с ним летом 1956 года в Москве. Не пройдя по конкурсу в Московскую консерваторию, увидел объявление, приглашающее абитуриентов проконсультироваться у доцента Саратовской консерватории Б.А. Гольдфедера. Высокий, молодой, красивый человек в отлично сшитом костюме, приветливый и спокойный. Расспросив меня, выяснив, что я из Воронежа, попутно узнав о моих вкусах и пристрастиях в музыке, о моём педагоге, сказал: «Я знаю Лизу Луцато. Ученица Шацкеса. Хороший педагог, от неё часто поступают в Москву. И к нам – тоже». Сыграв программу, получив несколько советов, получил и приглашение на экзамены в Саратов.

Думаю, в те годы абсолютно правильно поступало руководство некоторых провинциальных консерваторий, командуя своих ведущих педагогов в Москву для

прослушивания абитуриентов, не прошедших по конкурсу в московские музыкальные вузы. Как правило, в столицу ехали неплохо подготовленные юноши и девушки, достаточно амбициозные, уверенные в своих силах. Годом раньше таким вот образом в Саратове оказались В. Хананаев (ныне заслуженный артист РФ, профессор Воронежской академии искусств) и В. Клин (доктор искусствоведения, г. Киев).

Посоветовавшись с мамой и моим училищным педагогом (которая, оказывается, тоже хорошо знала Гольдфедера), я решил ехать в Саратов. К тому же мне очень понравилось по фотографии необычное здание консерватории.

Поступив в Саратовскую консерваторию, конечно же, в класс Гольдфедера, получив программу, начал усердно заниматься (кстати, консерватория дала нам во временное пользование неплохой рояль «Мюльбах», обшарпанный, но хорошо держащий строй. Мы с Хананаевым перевезли его на квартиру на улице Аткарской и «успокоили» нашу хозяйку и соседей!).

В.Е. Ханецкий

(Продолжение следует)

Борис Александрович Гольдфедер (1916–2002)

Продолжение. (Начало см. в № 25 (39) апрель 2011; стр. 3)

Однако, на первом же уроке выяснилось, что занимался я, в основном, не тем и не так! Вот тебе на! Мне-то казалось, что я почти всё могу и почти что всё умею... Борис Александрович бился со мной целый час над двумя строчками сонаты Бетховена (28-й, между прочим!), не пропуская ни малейшей помарки, неточного штриха, аппликатурных «ляпов» и т.д. И при этом предельно спокойно, не повышая голоса, не обращая ни малейшего внимания на моё постепенное «закипание»... И на последующих уроках он неукоснительно требовал, чтобы я точно осознавал, о чём буду играть, а потом уж думать – как. Юношеский максимализм приводил к увлечению капитальным «звуком» и предельно возможной скоростью. Борис Александрович очень артистично изобразил мои судороги, помог увидеть себя со стороны. Ну и портретик он изобразил! Через подобные головомойки и «отмывания» в той или иной степени проходил каждый студент его класса.

Естественно, как и в любом другом классе, в классе Гольдфедера были студенты разной степени подготовленности и одарённости, но он стремился сохранить индивидуальность каждого своего подопечного, если даже исполнительское лицо его лишь слегка угадывалось. Поэтому-то у нас в классе не было даже двух похожих друг на друга пианистов. Особенно заметно это было на классных концертах, регулярно проходивших в залах нашей консерватории и на гастрольных выездах класса в другие города России.

Б.А. Гольдфедер неоднократно избирался заведующим кафедрой специального фортепиано, вёл насыщенную концертную деятельность:

как солист Росконцерта выступал в более чем 80 городах СССР, гастролитовал в Польше, Чехословакии, ГДР, имел завидную прессу. Тогда же им был осуществлён рассчитанный на два года цикл исторических концертов, включавших в себя 5 сольных концертов. В цикл вошли произведения клавесинистов, Баха, Моцарта, Гайдна, Бетховена, композиторов-романтиков, импрессионистов, русских, советских и современных зарубежных композиторов. Гольдфедер первым из саратовских пианистов исполнил многие фортепианные концерты советских и саратовских композиторов (Т. Николаевой, 2-й Шостаковича, Гасанова, Сосновцева и др.).

Гольдфедер играл с дирижёрами: А. Пазовским, М. Паверманом, Г. Рождественским, Н. Факторовичем, В. Небольсиным, Ниязи, В. Дубровским, Г. Юдиным, Л. Киладзе, А. Апкаряном, И. Шпиллером, Пресичем, Машкевичем, Сайко и др.

Помню очень удачное исполнение Борисом Александровичем Второго концерта Листа с московским дирижёром Гавриилом Юдиным и филармоническим оркестром. Концерт был в консерваторском Большом зале и, знаменательно, проходил в день его рождения – 23 марта (кажется, 1960 года). Мы, группа консерваторских студентов, решили утром покататься на лыжах по Волге и предприняли затяжной марш-бросок через Волгу в Энгельс, почти до Энгельского мясокомбината, а это, пожалуй, будет километров 15. Конец марта, уже будто бы весна, но Волга насмерть скована льдом, основательно покрыта снегом. Мороз градусов 15 при ярчайшем, слепящем солнце. Добрались до середины Волги, а там разгулялся ветер. Всё же

решили продолжать путь, забыв, что возвращаться-то придётся против ветра... В общем, на концерт мы явились как истинные краснокожие индейцы, так над нами потрудились солнце, ветер и мороз! Борис Александрович был очень импозантен во фраке и бабочке. Вообще он был в этот вечер в ударе: играл ярко, раскованно, весьма убедительно технически. Мы все – его ученики – были, естественно, очень горды своим шефом. На концерт и потом с поздравлениями в артистическую мы явились, прихватив с собой несколько бутылок шампанского, которые шумно и распили там вместе с Гольдфедером и оркестрантами. Борис Александрович, разгорячённый удачным концертом и приёмом слушателей, всё напоминал нам: «Ребята, маэстро надо поднести!» (это он о дирижёре!).

Что же касается нашей кожи на лице, то через несколько дней мы эту кожу снимали чулком...

Запомнился ещё один достаточно забавный эпизод из кафедральной жизни. К 150-летию Шопена педагоги кафедры решили дать юбилейный концерт из его произведений. Каждый играл шопеновские сочинения из своего репертуара: ноктюрны, баллады, фантазию и т.д. И почему-то у всех исполнителей по ходу игры начали возникать проблемы: то не выиграл, скомкал, то забыл! Проблемы были у всех, но только не у Арсения Петровича Шапова. Он спокойно вышел на эстраду, интеллигентно и не спеша «доложил» As-dur'ный полонез и с достоинством покинул сцену. А через несколько дней все «отличившиеся» устроили своего рода капустник, выходя по очереди на сцену и играя именно те

С.С. Бендицкий, Л.Н. Оборин, Б.А. Гольдфедер

эпизоды, в которых концертанты проштрафились. Естественно, А.П. Шапов, как безаварийно прошедший своё выступление, был освобождён от реабилитационного действия и сидел в зале в первом ряду, а все «штрафники» после исполнения низко кланялись прежде всего Арсению Петровичу. Осталось в памяти: Дмитрий Михайлович Серов играл эпизод с расходящимися октавами из Фантазии f-moll, а Борис Александрович – коду Первой баллады. Всё это выглядело очень мило, легко и остроумно... А.И. Катц ещё запомнил: его профессор А.О. Сатановский, сидя в артистической и готовясь к выходу на сцену, услышав «художества» собратьев, отказался от выступления, сославшись на недомогание.

В 1972 году Б.А. Гольдфедер переезжает в Москву и начинает работать в Институте культуры (и «отдыха», как он сам шутил).

За 23 года работы в Саратовской консерватории по его классу закончили свыше 60 студентов, аспирантов и ассистентов-стажёров. Работая в Саратовской консерватории, Борис Александрович был заведующим кафедрой специального фортепиано, работал некоторое время и в Саратовском

музыкальном училище, приглашался в жюри пианистических конкурсов, а также был неоднократно председателем Государственных аттестационных комиссий в консерваториях и подшефных музыкальных училищах.

Будучи профессором Московского государственного института культуры, Б.А. Гольдфедер с 1972 года по 1990 год являлся ещё и председателем секции специального фортепиано Научно-методического Совета Министерства культуры РСФСР.

Хочется рассказать о совершенно неожиданной встрече с Борисом Александровичем. В конце сентября 1979 года, взяв несколько дней отгула, я улетел в Ялту на могилу отца (он умер там в 1940 году на гастролях). Прилетев в Симферополь, решил взять обратный билет. Народу в аэропорту – тьма! Подхожу к кассе и вдруг вижу жену Бориса Александровича – Нелли Аркадьевну. Вид у неё крайне растерянный... «Нелли Аркадьевна! Что с Вами? Что Вы здесь делаете?». Она поднимает на меня глаза, в них слёзы. Нелли Аркадьевна бросается ко мне со словами: «Это Бог послал тебя, Валя!». Выясняется: только вчера они с Борисом Александровичем приехали отдыхать в

Дом отдыха в Мисхоре. Борис Александрович сразу же взял полотенце и отправился к морю. Пошёл один, а поскольку видит плохо, особенно вечером, споткнулся и упал на лестнице. И сломал ногу! Прямо, как в кино: «Упал, очнулся – гипс!». И они вынуждены были тут же ехать обратно в Москву, но билетов на самолёт нет на несколько дней вперёд...

Борис Александрович сидел в машине, которую дал для больного Дом отдыха. Вёл себя как-то странно. Моё появление у машины воспринял как данность, как свою зафиксированную ногу. Видимо, врачи основательно накачали его лекарствами и накололи обезболивающим.

Необходимо было срочно действовать. Звонки немногочисленным знакомым ничего не дали. Решаем ехать в обком КПСС с надеждой использовать статус Бориса Александровича – профессора московского вуза и, главное, ветерана и инвалида Великой Отечественной войны. Но и обком, оказывается, бессилен: авиационная бронь на сегодня и на завтра уже «выбрана». Удаётся уговорить ответственного по транспорту партийного товарища поспособствовать в приобретении билетов на сегодняшний поезд. Так вот этот товарищ не поленился, спустился с нами к машине, познакомился с Борисом Александровичем, увидел его зафиксированную ногу, снова поднялся с нами в свой кабинет и через пять минут у нас на руках была записка к начальнику вокзала. Есть! Два билета до Москвы, сегодня, в мягкий вагон!

Уф, отлегло... Даём телеграмму в Москву, обнимаемся, целуемся, прощаемся – поехали.

Никто не убедит меня, что наша симферопольская встреча – обыкновенное совпадение! Я же был счастлив, что хоть чем-то смог быть полезен своему шефу, Бобу (как мы его за глаза называли)...

В. Ханецкий

(Продолжение следует)

Борис Александрович Гольдфедер (1916–2002)

Продолжение. (Начало см. в № 25 (39) апрель 2011; стр. 3)

20 лет проработал Борис Александрович в институте культуры, который по его классу закончило двадцать человек.

В 1992 году Гольдфедеры решили перебраться на ГГМЖ в Израиль, где уже работал их старший сын Александр, окончивший Московскую консерваторию у профессора Я.В. Флиера. Перед отъездом супруги совершили прощальную поездку по Волге на теплоходе. В Саратове была остановка на несколько часов. Гольдфедеры посетили Воскресенское кладбище, где похоронена мама Бориса Александровича Роза Григорьевна. Примечательно, что в Саратовском речном порту их встречал С.С. Бендицкий. Мне кажется, оба наши маститые профессора на склоне лет всё же примирились. Семён Соломонович, обнимая Бориса Александровича, говорил: «Ну, Борис, скажи ты мне – чего мы ссорились? У тебя кафедра, у меня кафедра. Чего мы делили? Чего нам не хватало?...».

Гольдфедеры бодрились, шутили, но чувствовалось: им не до шуток, не до веселья. Они расставались с огромной частью своей жизни. Отныне оставались лишь воспоминания. Им предстояло, в сущности, начинать жизнь заново. Легко ли это на восьмом десятке лет!

В Израиле у Бориса Александровича продолжало ухудшаться зрение, вскоре он его практически потерял. Связь с внешним миром – только через радио и телефон. В Израиле, как известно, ветераны Великой Отечественной ни в чём не нуждаются, окружены почётом и уважением. Борис Александрович довольно часто оттуда звонил, живо интересовался нашей жизнью, консерваторскими делами.

Несколько раз консультировал моего выпускника Юру Логачёва, тоже уехавшего в Израиль и готовившегося к конкурсам.

Последний раз Борис Александрович звонил на новогодние праздники 2002 года. И первый раз я почувствовал в его голосе слёзы. Ушёл он из жизни 25 мая 2002 года...

Так уж сложилось, что в Саратов осело не так уж много учеников Б.А. Гольдфедера. Птенцы его педагогического гнезда, «встав на крыло», разлетались по всей стране и по «заграницам». В Саратовской консерватории долгие годы работала на кафедре общего фортепиано О.А. Вишневская, а в Саратовском музыкальном училище и Энгельском лицее очень плодотворно трудилась одна из лучших его воспитанниц, заведующая фортепианным отделением В.Н. Подгайна, подготовившая огромное количество пианистов для Саратовской консерватории и столичных вузов. По уровню педагогического дарования она была достойна быть в числе консерваторских педагогов. Некоторое время в Саратовской консерватории успешно преподавали В.С. Хананаев (ныне – профессор кафедры специального фортепиано Воронежской академии музыки, заслуженный артист РФ) и бывший аспирант А.А. Чернышёв (в настоящее время – доцент Краснодарской музыкальной академии). Там же преподаёт его выпускница – профессор, заслуженная артистка РФ Н.П. Коробейникова. В Киеве работал доктор искусствоведения, профессор В. Клинт; в Минской консерватории – профессор, доктор искусствоведения В. Кокушкин; в академии имени Гнесиных – профессор, заслуженная артистка РФ Е. Шевелёва (правда, она сменила

специальность – теперь Женя поёт и преподаёт вокал!). В Волгоградском институте искусств имени П.А. Серебрякова не одно десятилетие преподают его выпускники – супруги Анна Черфас и Виктор Лесенко; музыкальный Дальний Восток осваивали И. Либкинд, К. Лыжков и А. Киселёв; Н.Ф. Резчикова – заведующая фортепианного отдела саратовского областного училища искусств.

Это лишь малая толика его выпускников – мощного отряда пианистов.

Считается, что каждый настоящий мужчина в жизни своей должен родить сына и посадить дерево. Сыновей у Бориса Александровича и Нелли Аркадьевны двое: Александр ныне живёт и работает в Испании, имеет свою музыкальную школу, младший, Анатолий – выпускник режиссёрского факультета ГИТИСА – является продюсером знакомого каждому россиянину шоу «Поле Чудес».

Деревьев, насколько мне известно, Борис Александрович не сажал. По роду своей деятельности он занимался выращиванием молодых музыкантов и, по самому скромному подсчёту (если считать его учеников, а также музыкальных внуков и правнуков) на сегодняшний день «гольдфедеровцев» насчитывается не менее 5 тысяч. Вот вам и родословное музыкальное дерево!

Именно в этой впечатляющей преемственности – спасение нашей российской музыкальной культуры, которой верой и правдой служил Борис Александрович Гольдфедер.

В. Ханецкий